

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АСТРАХАНСКИХ ВЛАСТЕЙ
С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМ СЛОЕМ АСТРАХАНСКИХ
ЮРТОВСКИХ ТАТАР В XVIII В.¹⁸**

Торопцын Илья Васильевич, кандидат исторических наук

Астраханский государственный университет
414026, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

В статье анализируется политика астраханских властей в отношении мурз, табунных голов и других представителей верхушки общества юртовских татар. В центре внимания находятся данные расходных книг по выдаче денежного жалованья астраханским служилым людям за конец первого – середину второго десятилетия XVIII в. Вопросы выдачи денежного жалованья служилым татарам позволяют составить четкое представление о социальной структуре привилегированного класса юртовского общества, его внутренней иерархии, проанализировать отношение местных властей к его различным группам.

Ключевые слова: астраханские юртовские татары, мурзы, табунные головы, астраханские власти, денежное жалованье, XVIII в.

**RELATIONSHIP OF THE ASTRAKHAN AUTHORITIES
WITH THE EXCLUSIVE LAYER OF THE ASTRAKHAN
YURTOVSKY TATARS IN THE XVIII CENTURY.**

Toropitsyn Ilya V., Ph. D. (History)

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414026, Russian Federation
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

The article examines the politics of Astrakhan authorities against murzas herd heads and other top representatives of society Yurt Tatars. The focus is on data consumable books for issuing cash payday Astrakhan serving people beyond the end of the first – the middle of the second decade of the XVIII century. Extradition cash salary of Tatars allow a clear understanding of the social structure of the privileged class Yurt society, its internal hierarchy, to analyze the attitude of local authorities to its various groups.

Keywords: Astrakhan yurtovsky Tatars, Murzas, tabunny heads, Astrakhan authorities, monetary salary, XVIII century

Астраханские юртовские татары являлись служилой категорией населения в российском государстве. Мурзы и табунные головы владели земельными угодьями и вместе с другими представителями юртовской знати получали от государства жалованье. Данные расходных книг по выдаче денежного жалованья астраханским служилым людям за конец первого – середину второго десятилетия XVIII в. [2, ф. 999, оп. 1, д. 5, л. 181–216об.; 2, ф. 999, оп. 1, д. 7, л. 3–91об.] свидетельствуют, что обще-

¹⁸ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00054а «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.»

ство астраханских юртовских татар было неоднородным и представлено несколькими крупными родами и группами (табунами).

Астраханские власти при выдаче жалованья выделяли джетисанских (едисанских), юртовских, джембуйлукских (снбулуцких), ногайских мурз, а кроме них – табунных голов, сотников «татарских» и «рядовых татар табунных голов детей». В свою очередь указанные родоплеменные группы делились на так называемые «родства» – фамильные кланы. Так, к джетисанским мурзам относились представители Тинбаева и Урусова «родства», к юртовским – Байтерекова и Амурзина «родства», к ногайским – Тинокпатова и Алатуева (Аллатуева) «родства», а джембуйлукские мурзы были представлены представителями Шихмамаева (Шахмамаева) «родства».

Крупнейшим из них был клан мурз Тинбаевых. В 1710 г. он насчитывал 52 представителя, из которых 40 мурз получали ежегодное жалованье, а остальным двенадцати не было предусмотрено ежегодного оклада и других выплат (жалованье таким мурзам выдали в дополнение к остальным). Другие аристократические роды астраханских татар значительно уступали Тинбаевым в численности. К примеру, мурз Урусовых в 1710 г. числилось всего четырнадцать человек, не считая еще двух вдов, которые в том году получили жалованье за своих мужей. Мурз Байтерековых насчитывалось девять человек (один из них не имел права на ежегодное жалованье), Амурзинных – десять мурз (троим из них не полагалось обязательного жалованья), Тинокпатовых – три, Алатуевых – два, Шихмамаевых – три человека (из них только один получал ежегодное жалованье).

Спустя четыре года ситуация в раскладе сил среди астраханских мурз принципиально не изменилась. В 1714 г. клан Тинбаевых по-прежнему доминировал, хотя в нем и осталось всего 35 мурз. «Урусово родство» сократилось на одного представителя (тринадцать человек). Байтерековых и Амурзинных мурз также стало меньше на три и четыре человека соответственно. «Шихмамаево родство» было представлено одним представителем, а ногайских мурз среди получателей царского жалованья числилось всего два человека. При этом если одного из них можно смело отнести к представителям мурз Тинокпатовых, то определить к какому роду принадлежит Тамбет-мурза Довлюсареев достаточно сложно. Возможно, он также принадлежал к мурзам Тинокпатовым, среди которых в 1710 г. упоминался Малбет-мурза Давлеткиреев (допускается разночтение имени и фамилии). Не исключено, что это одно и то же лицо.

Та же проблема наблюдается в отношении еще одного мурзы. В 1710 г. среди мурз «Тинокпатова родства» был указан Алей Эльмурзин, который отсутствовал в их родовом списке 1714 г., но после мурз «Шихмамаева родства» там был указан перед «ногайскими» мурзами, Аблай-мурза Эльмурзин, который не был отнесен ни к джембуйлукским, ни к ногайским мурзам. По всей видимости, это также один и тот же человек, по каким-то причинам некорректно внесенный в список 1714 г. При этом в 1714 г. в числе получателей государева жалованья уже не встречаются представители мурз «Алатуева родства» (в 1710 г. там значились Малбет-мурза Янибеков и Енгурчей-мурза Алатуев). Таким образом, в 1710–1714 гг. наблюдается сокращение численности практически всех основных родовых групп юртовских мурз на службе российского государства.

Размер выдаваемого властями ежегодного жалованья юртовским мурзам (и не только им) также может о многом поведать. Так, ежегодно мурзам полагалось помимо достаточно скромного годового оклада несколько аршин сукна и «кормовые» деньги. Размер годового оклада был постоянным, но существенно отличался у мурз в зависимости от того статуса, который они занимали в своем «родстве». Первые лица в списке на выдачу жалованья получали его намного больше, чем те, кто замыкал этот список. Размер «кормовых» денег был существенно больше годового оклада. Как и в случае с ежегодным окладом, «кормовые» деньги устанавливались властями также в зависимости от статуса лица, который получал их.

Некоторым мурзам полагалось ежегодно выдавать сукно: по четыре аршина каждому. Как правило, все представители знатных фамилий получали вместо сукна деньги. Мурзам Амурзина и Шихмамаева «родства», а также ногайским мурзам сукно не полагалось, как, впрочем, и некоторым представителям мурз Тинбаевых, Урусовых и Байтерековых, замыкавших их фамильные списки. Видимо, сукно относилось к тем видам вознаграждения за службу, которым выделяли представителей определенных родов, чтобы подчеркнуть их особый статус.

При этом наблюдаются существенные отличия в жалованье между представителями различных юртовских династий. Так, мурзы «Тинбаева родства» получали от российского государства большее жалованье, чем мурзы других фамилий. К примеру, в 1714 г. старшему Эль-мурзе Кантемирову «Тинбаева родства» полагалось 25 рублей годового оклада, 4 аршина сукна «аглицкого», стоимостью в 26 алтын за аршин, и 65 рублей 2 алтына 2 деньги «кормовых» в год. В тот же год старшему Акмурзе Мамедамину «Урусова родства» было выдано 11 рублей годового оклада, 4 аршина сукна «анбургского», стоимостью 10 алтын «по пол трети» за аршин и 21 рубль «кормовых» в год. Старшему Абла-мурзе Азаматову «Байтерекова родства» полагалось 14 рублей годового оклада, 4 аршина сукна «анбургского», той же, видимо, стоимостью, что и мурзе Урусову, и 40 рублей «кормовых» денег. Старшему Бекмурзе Капланову «Амурзина родства» было предусмотрено выдать 5 рублей годового оклада и 10 рублей 31 алтын 6 деньги «кормовых» в год. Ногайскому Сиюдюку-мурзе Эхабаеву сыну Тинакпатову выдали 3 рубля годового оклада и 10 рублей 31 алтын 4 деньги «кормовых» в год.

Как видим, разница в жалованье между представителями разных юртовских фамилий была более чем существенной. И это притом, что все они являлись старшими в своих родах – следовательно, им полагалось более высокое вознаграждение, чем младшим представителям их династий.

Таким образом, можно утверждать, что среди астраханских мурз существовала определенная социальная иерархия, в которой важную роль играла родоплеменная принадлежность. Очевидно, что ведущие позиции среди них принадлежали джетисанским мурзам Тинбаевым, которые опережали по степени влияния родственных им мурз «Урусова родства». Среди астраханских юртовских мурз Байтерековым отдавалось предпочтение перед Амурзинными. Следом за ними располагались мурзы «Шихмамаева родства», а замыкали иерархию представители «ногайских» мурз: Тинокпатовых и Алатуевых.

Необходимо, однако, иметь в виду, что выстроенная нами иерархия юртовской знати основана на данных расходных книг российских властей, а потому отражает, по сути, их взгляды на роль и место астраханских мурз в социальной структуре юртовского общества. При этом традиционное деление астраханских мурз на разные роды в списках на выдачу жалованья: джетисанских, юртовских, джембуйлукских и ногайских по логике того времени также должно было бы указывать на межплеменную иерархию. Однако размер выдаваемого властями жалованья свидетельствует, что стоявшие впереди в списке его получателей джетисанские мурзы «Урусова родства» получали денег меньше, чем стоявшие за ними в списке юртовские мурзы «Байтерекова родства». Разумеется, это относилось не ко всем представителям этих родов, а к первым лицам династий.

По всей видимости, списки на получение жалованья отражали традиционное представление властей о социальной иерархии астраханских мурз, а размер жалованья отражал их реальное положение в юртовском обществе. Более многочисленные и сильные «родства» обоснованно пользовались большим вниманием у российских властей и, в свою очередь, имели большее на них влияние.

При этом сами мурзы во взаимоотношениях между собой, видимо, не видели особой разницы в своем происхождении, принадлежности к определенному «родству». По крайней мере, такая ситуация могла сложиться к середине XVIII в. На это указывает переписка с Астраханской губернской канцелярией астраханских мурз и табунных го-

лов, которые в 1760-х гг. не выделяли в своей среде джетисанцев от юртовцев. К этому времени упоминания о представителях других родов астраханских служилых татар: джембуйлукских и ногайских, уже не встречаются. При этом ведущие позиции среди служилой тюркской аристократии в Астрахани заняли представители Урусова «родства», наряду с которыми упоминаются мурзы Тинбаевы и Бейтерековы.

Так челобитная, поданная астраханским властям в сентябре 1761 г. начиналась со слов: «бьют челом астраханские юртовские мурзы, табунные головы з служилыми и яшашными своими людьми, а именно: Аллаверды Мурзаев сын Балатаев, Би-мурза Куданетов сын Урусов, Казбулат-мурза Маметев сын Урусов, Нурали-мурза Алиев сын Тинбаев, Эль-мурза Яксатов сын Байтереков... с товарищи». Еще один представитель «Тинбаева родства» Бекей-мурза Акмурзин сын Тинбаев называл себя в челобитной, поданной в том же году, «астраханским юртовским» [2, ф. 394, оп. 1 доп., д. 164, л. 1, 5]. В другой челобитной, поданной в 1763 г. от имени «астраханских юртовских мурз, табунных голов и сотников» были перечислены: Маил-мурза, Челмамет-мурза, Юсуп-мурза, Кутлу-Темир-мурза Урусовы, Котлу-мурза, Орак-мурза, Мурат-мурза Тинбаевы и другие, которые сообщили, что из Астрахани «незнаемо куды возымели отъезд астраханские юртовские татара Нурадыл-мурза Касаев сын Урусов, Аллаверды Мурзаев сын Булатаев» [2, ф. 394, оп. 1, д. 2419, л. 2]. В свою очередь Нурадыл-мурза Урусов и табунный голова Аллавердый Мурзаев в обращении к астраханским властям называли своих оппонентов Би-мурзу Урусова, Кутлу-Темира-мурзу Урусова, Мурат-мурзу Тинбаева и других мурз, а также табунных голов и сотников «здешними юртовскими» [2, ф. 394, оп. 1, д. 2419, л. 21, 22об.].

При этом со стороны челобитчиков прослеживается отождествление всех представителей астраханских служилых татар именно с юртовцами, как обобщающим названием данной категории населения. Так, в 1761 г. мурзы и табунные головы указывали, что вместо них подписался в челобитной «юртовской татарин Урусова улуса Суюндук Жуманов» [2, ф. 394, оп. 1 доп., д. 164, л. 2об.]. Очевидно, что челобитчики не могли не знать, к какому роду принадлежит улус Урусовых, однако, обозначили его представителя как юртовского татарина, а не джетисанца.

Характерно, что подобное отношение к местному служилому тюркскому населению наблюдалось у астраханских властей еще в первой половине XVIII в. В 1714 г., например, астраханский обер-комендант М.И. Чириков постановил выдать деньги за взятые подводы «юртовским Салтамамбетю-мурзе Тинбаеву да табунного головы Ерошья Темирева сыну ево Эльболду с товарищи» [2, ф. 999, оп. 1, д. 5, л. 217об.]. В 1740 г. начальник Астраханской конторы татарских и калмыцких дел капитан Л. Шихматов докладывал губернской канцелярии, что им поступило прошение от «астраханского жителя юртовского Куданат-мурзы Урусова табуну юртовского татарина Жумагельдыя Испулдуева» [2, ф. 394, оп. 1, д. 755, л. 15].

Наряду с мурзами видную роль в жизни юртовского общества играли табунные головы. Как отмечал в 1745 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев, в каждой табуне «определялся табунной голова или староста, которые имеют власть их судить, распорядить и в услугу, яко подводы и прочее, наряжать, за которое им издревле по заслугам давано жалованье весьма малое, а по случаю прибавливано» [5, с. 317].

Анализ расходных книг денежной казны Астраханской воеводской канцелярии показывает, что число табунных голов среди получателей царского жалованья в период с 1710 по 1714 г. осталось неизменным – десять человек (в 1710 г. были упомянуты еще двое табунных голов: Дакай Агишев и Бежел Абылгаликов, которым «дачи жалованья не было»). Это позволяет предположить, что в тот период времени каждый из табунных голов мог возглавлять отдельный табун. В.Н. Татищев, к слову, не указывает точного количества табунов (или деревень), замечая лишь, что «было их прежде весьма немало». При этом он обращает внимание на то, что к его времени (1745 г.) многие табуны обезлюдели и табунные головы «остались без табунов или имеют по два и по три человека, а жалованье напрасно получают против прежднего» [5, с. 317].

Из этого можно заключить, что число табунов у юртовцев не было постоянным, а могло изменяться в сторону уменьшения или увеличения. Так, в период пребывания в Астрахани (1769–1770 гг.) ученый путешественник С.Г. Гмелин насчитал семь основных селений юртовских татар [1, с. 173–174]. В начале XIX в. в окрестностях Астрахани (Астраханском уезде) насчитывалось уже десять татарских селений и еще одно, принадлежавшее мурзе Тинбаеву, находилось в Красноярском уезде [3, с. 75].

Количество татарских сотников за рассматриваемое четырехлетие изменилось незначительно: в 1710 г. их было четырнадцать человек, а четыре года спустя – тринадцать. Но если в 1710 г. только шестерым из них полагался ежегодный денежный оклад, то в 1714 г. его получали уже все татарские сотники.

Что касается «рядовых татар детей табунных голов», то за анализируемое время они сократили свое присутствие среди получателей государева жалованья: в 1710 г. их было 16 человек, включая одного, не получавшего обязательного оклада, а в 1714 г. таких служилых людей значилось только одиннадцать человек. Возможно, изменения произошли за счет того, что сыновья заступили на место своих отцов, став табунными головами. На данную практику, в частности, указывает В.Н. Татищев, отмечая, что после того, как многие юртовские табунные головы умерли, «на их места без всякого рассмотрения их родственники или посторонние жалованы» [4, с. 317].

Жалованье табунным головам, сотникам и детям табунных голов, как и в случае с мурзами, было строго дифференцированным. Табунным головам выдавали годовой оклад, деньги за сукно и «кормовые». Сотники получали годовой оклад и «кормовые деньги», а сукно было положено только некоторым из них, находившимся во главе списка. Жалованье детям табунных голов ограничивалось только годовым окладом и «кормовыми» (сукно им не полагалось).

При этом жалованье среди них распределялось в зависимости от их социального статуса в юртовском обществе. Так, в 1714 г. у некоторых сотников (Эсюналея Тлеева, Шайра Досаева, Торготара Чичирпанова, Макая Кашкарина) годовой оклад (но не итоговый размер всего жалованья) был сопоставим или больше, чем у отдельных табунных голов. А у некоторых детей табунных голов, например, Бибулата Ишеева, Каспулата Ишеева, Бекмамбета Шемякина, Эльболды Ерошаева и других годовой оклад (пять рублей) был на уровне не только сотников, но и отдельных табунных голов и даже младших представителей мурз таких влиятельных родов, как Тимбаевы, Урусовы и Байтерековы, не говоря уже об остальных. По всей видимости, это происходило потому, что годовой оклад и награждение сукном были определены верховной властью, и он не мог изменяться, а «кормовые» деньги, очевидно, назначались местной властью, благодаря чему и удавалось поддерживать нужный баланс при выдаче жалованья.

Сравнение списков табунных голов 1710 и 1714 гг. показывает, что большинство из них по-прежнему находилось во главе табунов юртовцев. Однако в списке табунных голов 1714 г. уже не значились Ишей Кашкарин и Темирчей Алхагулов. Зато появились Тарибердей Ишеев и Канбулат Темирчеев. Насколько известно Тарибердей Ишеев был сыном Ишея Кашкарина. Очевидно, что Канбулат Темирчеев тоже был сыном Темирчея Алхагулова. На это указывает переходная форма имени отца в отчество сына, заменявшая, по всей видимости, у юртовцев, не принадлежавших к знатному роду, фамилию. Так, в 1714 г. в списках на получение жалованья значились табунный голова Ерошай Темирев и рядовой татарин сын табунного головы Эльболда Ерошаев, которые в другом документе указаны как отец и сын [2, ф. 999, оп. 1, д. 5, л. 217об.]. По аналогии можно с большой долей вероятности утверждать, что табунные головы Булатай Акпердеев (1710–1714 гг.) и Мурзай Булатаев (1732–1756 гг.) также были близкими родственниками (по всей видимости, отец и сын).

Это дает нам основание утверждать, что должность табунного головы у юртовских татар в XVIII в. была наследственной, передаваемой по прямой линии от отца к сыну, очевидно, старшему в роду. По всей видимости, нахождение в списке «рядо-

вых татар табунных голов детей» было для младших представителей табунных голов своего рода институтом легитимизации в будущем своих прав на эту должность.

При этом наблюдается интересная деталь: если в 1710 г. первым в числе получателей государева жалованья был указан Ишей Кашкарин, а Ерошай Темирев находился только на четвертом месте в списке, то в 1714 г. Ерошай Темирев в отсутствие Ишея Кашкарина занимал уже первую строчку в списке табунных голов, а сын Ишея Кашкарина Тарибердей Ишеев в свою очередь занял четвертую строчку указанного списка. Тогда как табунные головы Акмамбет Шемякин и Булатай Акпердеев сохранили за собой в обоих списках на получение жалованья соответственно вторую и третью позиции. Другими словами, простой передвижки в списке табунных голов не наблюдается. Это свидетельствует о том, что российские власти повысили социальный статус Ерошай Темирева до главного табунного головы, видимо, за какие-то важные заслуги. При этом сын Ишея Кашкарина Тарибердей Ишеев автоматически с должностью табунного головы не унаследовал высокий социальный статус своего отца. По всей видимости, его нужно было заслужить у российских властей, которые распределяли государево жалованье.

В качестве примера службы детей табунных голов можно привести факт, имевший место в 1714 г., когда сын табунного головы Ишея Кашкарина Канбулат «объявил» в Астраханской приказной палате двух русских людей (Степана Романова и Якима), которые бежали из плена, а он помог им добраться до российских властей [2, ф. 999, оп. 1, д. 5, л. 218об.].

Следовательно, к XVIII в. в юртовском обществе сформировался социально-административный институт табунного головы, который стал наследственным для представителей определенных фамилий. При этом социальный статус табунных голов, проявлявшийся в виде размера ежегодного жалованья, зависел от российских властей, которые могли его изменять. Так, табунный голова Мамбет Тонаев с последнего десятого места в списке на получение жалованья в 1710 г. передвинулся в 1714 г. на седьмое место, потеснив на одну строчку вниз табунного голову Ерсакая Епаева. При этом годовой оклад Мамбета Тонаева увеличился на один руб. до семи руб., а Ерсакая Епаева сократился на ту же сумму до шести рублей. Но еще более существенная разница наблюдается при выдаче «кормовых» денег: Мамбет Тонаев стал получать 25 руб. «кормовых» в год, а Ерсакая Епаев – только 18 рублей «кормовых» в год.

Сложившаяся система взаимоотношений астраханских властей с юртовской знатью сохранялась на протяжении всего XVIII в. Как отмечал в 1771 г. астраханский губернатор Н.А. Бекетов, астраханские юртовские («аульные») татары, «оставшиеся при взятые Астрахани и с того времени поныне употребляются в службе в подводной и почтовой гоньбе до Черного Яра, Царицына и Кизляра», выполняли возложенные на них государством повинности «довольствуясь притом состоящими так за ними издревле землями, производением на них пашни и содержания скота, а других никаких оброков не платят, кроме, что из них мурзы и табунные головы за службы свои имеют в даче себе от губернской канцелярии определенное им из давних лет небольшое жалованье» [4, с. 302].

Таким образом, мы видим, что в основу взаимоотношений местных властей и юртовских феодалов в Астраханском крае был положен принцип регулярного вознаграждения за службу государству, размер которого мог варьироваться в зависимости от обстоятельств. При этом местными властями учитывались степень влияния и значимости представителей юртовской знати, их внутренняя этнополитическая и социальная иерархия, заслуги конкретных лиц перед государством.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.», проекта № 14-01-00054а.

Список литературы

1. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Часть вторая. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года / С. Г. Гмелин. – Санкт-Петербург, 1777. – 361 с.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО).
3. Любомиров П. Заселение Астраханского края в XVIII в. / П. Любомиров // Наш край. – 1926. – № 4. – С. 54–77.
4. Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1830. – 1-е собр., Т. XIX. – 1083 с.
5. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. / В. Н. Татищев. – Москва : Наука, 1990. – 438 с.

References

1. Gmelin S. G. *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv prirody. CHast' vtoraya. Puteshestvie ot Cherkaska do Astrakhani i prebyvanie v sem gorode: s nachala avgusta 1769 po pyatae iyunya 1770 goda* [Travel to Russia to study the three kingdoms of nature. Part Two. Traveling from Cherkask to Astrakhan and stay in this city: the beginning of August 1769 to June 5, 1770], Saint-Petersburg, 1777. 361 p.
2. State archive of the Astrakhan region (SAAR).
3. Lyubomirov P. Zaselenie Astrakhanskogo kraja v XVIII veke [Check Astrakhan region in the XVIII century]. *Nash kray* [Our Region], 1926, no. 4, p. 564–77.
4. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], Saint-Petersburg, 1830, 1st meeting, vol. XIX. 1083 p.
5. Tatishhev V. N. *Zapiski. Pi'ma 1717–1750 gg.* [Notes. Letters 1717–1750 gg.], Moscow, Nauka Publ., 1990. 438 p.

**РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ЮГЕ РОССИИ**

Воронцов Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор

Южно-Российского института РАНХиГС при Президенте РФ
344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70
E-mail: raven_serg@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор

Южно-Российского института РАНХиГС при Президенте РФ
344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70
E-mail: ponedelkov@skags.ru

Усманов Раффик Хаматович, доктор политических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: usmanr@mail.ru

В статье анализируются подходы к формированию и модернизации российских административно-политических элит, высказываются предложения по совершенствованию данного процесса. На основе проведенных элитологических исследований отечественными учеными на Юге России по проблемам деятельности российских элит проанализированы на первом элитологическом форуме политические процессы и тенденции развития властных элит. В статье ставится цель определить роль политических элит в обеспечении национальной безопасности на южных территориях России, на основе сравнительного анализа излагается оценка авторов уровня и степени коррупции в обществе, а также некоторые аспекты